

*Для тех, кто по-прежнему ищет дом.
А для Пита – слива.*

Самое болезненное состоя-
ние – воспоминания о будущем,
особенно том будущем, которого
у тебя никогда не будет.
Серен Кьеркегор

Все, на что ты смотришь, мо-
жет стать сказкой, и ты
можешь извлечь историю
из всего, до чего дотронешься.
Ганс Кристиан Андерсен

Прогнило что-то в Датском
королевстве.
Уильям Шекспир

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Марит Ольсен.

7 ноября 1866 года.

Карлслунде, Дания

КРОВЬ НА ЕВИНОМ КРУЖЕВЕ.

Я переворачиваю ладонь, когда свежая, обличающая алая капля расцветает на кончике моего пальца. Красная полоска тянется вниз по кружеву и стекает на слои тюля, которые я всю неделю старательно превращала в пышные и легкие, словно меренга, складки.

Вскрикнув, роняю швейную иглу и раздражаюсь обильными ругательствами.

Завтра самое важное выступление в жизни Евы, а я залила ее наряд кровью, словно зарезанная свинья. Посасываю кончик пальца, чувствуя на языке вкус металла, и украдкой обвожу взглядом портновскую мастерскую Торсена. В кои-то веки я здесь одна, сижу, спрятавшись в дальнем углу за грудями неярких шерстяных тканей и узорчатых кружев, шелковых шарфов, расшитых птицами, среди перламутровых пуговиц и игольниц, утыканных булавами.

«Можно взять больше тюля», — думаю я. Торсен хранит всю грудку неразобранного товара на третьем этаже. Он может и не заметить пропажу тканей до

того, как я отдам за них деньги из своего жалованья за следующую неделю. Встаю, вспоминая, как обещала Еве сделать все, дабы завтра ее заметили. Я представила ее в наряде, расшитом стеклянным бисером, в котором она будет сверкать, словно льдинка на солнце, а не так, будто исполняет арабески для мясника Ниласа.

Завтра чета Мадсенов, Фрейя и Томас, придут в сиротский приют «Мельница», высматривая для себя приемную дочь. Мысль об этом заставляет мое сердце сжиматься. Я разнюхивала, вытягивая короткие ответы из молчаливой Несс, начальницы приюта, ловила обрывки разговоров служанок, забиравших из мастерской заказы своих хозяев. Судя по тому, что я узнала, Мадсены живут за два города отсюда, но туда все равно можно доехать за одно утро в повозке, и к тому же это, возможно, лучший шанс Евы на то, чтобы ее забрали из приюта.

Если поспешу, смогу взять то, что мне нужно для наряда, до того, как вернется Агнес, моя соседка по комнате. Иначе она наябедничает раньше, чем я успею спуститься вниз.

Но как только я ступаю на первую ступеньку лестницы, колокольчик над дверью звякает, и помянутая Агнес врывается в дверь с вихрем листьев. Я замираю, держась одной рукой за перила.

— Что ты делаешь? — спрашивает она, разматывая шарф. Мы работаем бок о бок в мастерской Торсена и живем вместе в тесной каморке наверху с тех пор,

как три месяца назад я стала слишком взрослой для «Мельницы». Агнес немногим старше меня, однако пронырлива и ворчлива, точно старая дева. Но на самом деле она еще хуже, потому что обожает совать нос в чужие дела.

— Я просто... — начинаю я, но она даже не слушает.

— Ты слышала? — она склоняет голову набок и приглаживает волосы, растрепанные ветром. Мое сердце пропускает удар. Агнес явно чему-то рада. Такой радостный вид у нее бывает только тогда, когда она собирается сообщить плохие новости.

— Что? — шепчу я.

— В «Мельнице» паника. Та пара, что хотела приемыша, ну, Мадсены, они не приедут завтра. — Агнес, щурясь, смотрит на меня и кривит губы в неприятной улыбке. — Они приезжают сегодня.

Во рту у меня пересыхает. Эгоистичная часть меня шепчет: «Может быть, теперь они не выберут Еву». Но я пинком отбрасываю эту мысль, словно пса, норовящего вцепиться мне в лодыжку.

Агнес следит за моей реакцией с растущим удовольствием и, когда я отворачиваюсь, следует за мной. Я поднимаюсь на второй этаж, пытаюсь как-то отделаться от нее.

— Знаешь, кажется, я видела тут мышь, — бросаю через плечо, и Агнес, взвизгнув, замирает на полсекунды, но потом видит, что я прохожу мимо нашей каморки и иду дальше.

— Куда ты собралась, Марит? — кричит она, поднимаясь вслед за мной по деревянной лестнице.

Ни ее, ни меня никто не захотел удочерить, но я надеюсь, что мне лучше, чем ей, удастся скрывать разочарование. Она переросла «Мельницу» за год до меня, и обида разъедает ее душу, словно гниль, отвращая людей первым же дуновением. Агнес неизменно хочет, чтобы ни у кого не было того, чего нет у нее.

«Не будь такой, как Агнес, — говорю я себе. — Ты же хочешь, чтобы у Евы была семья?» Даже если это значит, что ее заберут и увезут прочь, хотя кроме нее у меня больше никого нет в целом мире.

Может быть, на сей раз мой разум наконец-то придаст этой лжи достаточную прочность, чтобы она не расплзлась по швам.

— Не знаю, почему это тебя так волнует, — говорит Агнес за моей спиной. — Мадсены могут выбирать из множества девочек. У Евы почти нет шансов на то, что выберут именно ее.

— Прекрати болтать, Агнес. — Я миную площадку и иду дальше, на третий этаж. Агнес ошибается. Несс, похоже, верит, что на самом деле у Евы есть отличный шанс. Потому что Несс учит девочек танцевать, а Ева — лучшая танцовщица из всех.

— Если, конечно, — продолжает Агнес, — Ева не сделает чего-нибудь, чтобы... ей повезло больше.

Я останавливаюсь на последней ступеньке, которая пронзительно скрипит под моим весом.

— Что ты имеешь в виду? — холодно спрашиваю я.

— Да ничего, по правде сказать. Просто ходят всякие слухи, — Агнес цокает языком, — насчет магии.

Моя кровь начинает закипать. Я преодолеваю последнюю ступеньку и останавливаюсь перед шкафом с тканями.

— Она всегда хорошо танцевала, — не унимается Агнес. — Необычайно хорошо. Возможно, неестественно хорошо.

— Ева не владеет магией, — возражаю я.

Магия. Чтобы преуспевать в чем-то одном с самого рождения, подобно талантливейшим ученым, и делать то, что другие способны сотворить только в грезах. Магия — дар, который берет с тебя огромную цену. Я содрогаюсь при мысли о своей сестре Ингрид, о голубом инее, сплетающем узоры под нежной кожей ее запястий.

Агнес пожимает плечами.

— Если воспользоваться магией, это заставит их выбрать ее, — произносит она нараспев, — пока Фирн не обратит кровь в лед.

Я опускаюсь на колени и принимаюсь разбирать коробки, скрипя зубами. Агнес такая дрянь!

— Ева не владеет магией, — повторяю я. — Кому это знать, как не мне?

Хватаю отрез ткани и катушку золотой нити, когда Агнес вдруг замечает, что я делаю.

— Эй! Ты не заплатила за это! — кричит она.

Я выпрямляюсь. Сейчас мои мысли только о Еве, которая ждет меня в «Мельнице»: она наверняка по-

стукивает пальцами, сердце ее колотится в горле... Как мне хочется, чтобы Мадсены выбрали ее сегодня, и как в то же время я этого не хочу!

— Я расскажу Торсену, — Агнес скрещивает руки на груди и становится прямо передо мной, в ее холодных голубых глазах читается вызов. — Он выгонит тебя, и вся комната снова будет в моем распоряжении.

— В таком случае, — протискиваюсь мимо нее и беру баночку со стеклянным бисером, о котором я грезила, — я вполне могу взять и это тоже.

Ее возмущенное аханье меня мало утешает, поэтому я разворачиваюсь и делаю шаг к ней, принимая, в свою очередь, угрожающий вид.

— Давай заключим сделку, Агнес. Чего ты хочешь?

Она прищуривает глаза и задумывается, машинально разглаживая свой передник.

— Чтобы ты прикрывала меня, когда я уйду в обеденное время, каждый день в течение месяца, — заявляет она. — Начиная... — внизу старинные часы бьют двенадцать раз, обозначая наступление полудня, — с этой минуты.

Я протягиваю ей руку, и она поджимает губы, но потом все же принимает мое рукопожатие, скрепляя сделку.

— Не подавись своим обедом! — предупреждаю я, помахивая ей украденной тканью. Она, не прощаясь, уходит и оставляет меня стоять на верхней площадке лестницы.

«Хорошо», — думаю я, стараясь забыть о том, что она сказала. О магии и о том, что остается после нее, о Фирне, который замораживает кровь в жилах, убивая тебя изнутри.

Мои руки крепче стискивают баночку с бисером.

Все равно для того, что я собираюсь сделать, Агнес должна была уйти.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗАПЕРЕТЬ ДВЕРЬ ЗА АГНЕС и сложить позаимствованные материалы на свой рабочий стол, придвинуть стол поближе к мерцающей углями жаровне в углу... Выложенная брусчаткой улица за окном серая и мокрая, усыпана листьями, а тупоконечные крылья ветряной мельницы медленно вращаются за крышами фахверковых домов. Жители Карлслунде спешат мимо мастерской, пригибая головы против ветра, и их карманы залатаны так грубо, что в кончиках моих пальцев возникает зуд.

Я осматриваю испорченный наряд Евы, выискивая кружево, не запятнанное красным, и дрожащими руками перебираю ткань. Когда я была маленькой, другие девочки шепотом рассказывали друг другу жуткий стишок, а иногда пели его, водя хоровод на рыночной площади:

*Магия водой течет
И морозит, словно лед,
С тех, кто меры в ней не знает,
Цену страшную берет.*

Я выглядываю в окно, дожидаясь, пока улица опустеет. Сироты, владеющие магией, в равной степени ценны и уязвимы. Если мы попадем не в те руки, нас заставят использовать ее до тех пор, пока мы не сгорим подобно ярким коротким вспышкам.

Даже сейчас я содрогаюсь, представляя, что Торсен обнаружит мои способности.

Улица пуста, но я все же колеблюсь. Я не применяла магию почти два года. «Только в самых крайних случаях», — обещала я себе и держала магию под спудом, точно оружие, чрезвычайно непостоянное и ненадежное. «Что ж, это крайний случай, — говорю себе. — Для Евы». Делаю резкий вдох, словно готовясь нырнуть в темную холодную воду. Применять магию пугающе легко. Так же легко, как велеть своим легким до отказа наполниться воздухом. Для этого требуется чуть больше, чем просто приказ. Нужно лишь немного сосредоточиться.

Я закрываю глаза. «Все в порядке, — убеждаю себя, стискивая пальцы. — Такой крошечный, незаметный кусочек магии не в счет».

Разжимаю кулаки, и в моих пальцах сразу же начинает покалывать и петть долго спавшая магия. Я провожу ими по каждому незапятнанному участку кружева и ощущаю восторженный трепет, когда что-то просачивается сквозь мою кожу и наполняет нити. Я стараюсь не думать о магии как о чем-то драгоценном, утекающем из моего тела. Или как о подожжен-